

Фольклористика

Научная статья

УДК 398 (=512.211)

DOI 10.17223/18137083/77/1

Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты

Сардана Ивановна Шарина

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия
sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

Аннотация

Рассматриваются эвенские эпические образцы *нимканы*, представляющие собой устойчивую и сложившуюся систему, которая имеет устную форму и с древнейших времен передается из поколения в поколение сказителями.

Стандартным считается изложение *нимкана* сказителем-*нимкаланом* как прозаическое повествование с диалогами в песенной форме. Дается краткий обзор истории собирания эвенского эпического фольклора с XVIII в. по настоящее время. В соответствии с местом записи, диалектной принадлежностью, языковой и этнографической фактурой систематизированы и классифицированы локальные группы, включающие пять типов представления эпической традиции: охотская, момская, колымская, оймьяконско-томпонская и северная. Дана характеристика эпических произведений по критериям, связанным с сюжетной структурой, поэтикой, отношением к другим жанрам (сказкам и преданиям).

Ключевые слова

эвены, фольклорный материал, эпическая традиция, локальная специфика, содержание, поэтика

Для цитирования

Шарина С. И. Эпическая традиция эвенов: сбор, локальная специфика, характерные черты // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 9–23. DOI 10.17223/18137083/77/1

© Шарина С. И., 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 9–23
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 9–23

Even epic tradition: collection, local specificity, characteristic features

Sardana I. Sharina

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation
sarshar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7536-2757>

Abstract

The paper is devoted to the Even epic samples of *nimkans*, a stable and well-established system with an oral form transmitted from generation to generation by storytellers since ancient times. In the epic tradition of the Evens, the song-prose and prose epic coexist to the present day, while earlier there was also a true song epic, performed entirely in song form. *Nimkan* is the name of the whole epic, with the standard being a prose narrative with song form dialogues presented by a *nimkalan*. The Even epic tale samples have been present in the scientific turnover since the 18th century. The systematic collection and publication of Even folklore began in the 1930s. According to the recording place, dialectal affiliation, linguistic and ethnographic feature, the author systematizes and classifies local groups, including five types of epic tradition representation: the Okhotsky epic, the Minsky epic, the Kolymsky epic, the Oymyakon-Tomponsky epic, and the Northern epic. Epic works are described in terms of plot structure, poetics, and their relation to other genres (fairy tales and legends). One of the distinctive features of the Even epic is the plausibility of the content. There is no indication of the hero's ethnicity or genealogy, there being many nameless heroes. The Even epic features a lack of poetic means. Unlike fairy tales, it was not influenced by the eastern and northeastern neighbors' folklore – the Yukaghirs, Chukchi, or Koryaks. The Yakut vocabulary in the Even epic is not numerous and refers to borrowings associated with communicative practices.

Keywords

Evens, folklore, epic tradition, local specificity, content, poetics

For citation

Sharina S. I. Even epic tradition: collection, local specificity, characteristic features. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 9–23. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/1

Фольклор эвенов, представленный самобытными эпическими полотнами, оригинальными текстами сказочной и несказочной прозы, образцами обрядового песенно-танцевального искусства, разнообразными малыми жанрами, является уникальным духовным богатством, компонентом общего культурного наследия эвенского народа.

Вершинным достижением устного народного творчества эвенов в плане художественного совершенства и историко-познавательной ценности является *нимкан* – архаический эпос, который исполняется сказителями-нимкаланами в виде прозаических повествований со вставками диалогов в песенной форме. В современных условиях у многих тунгусо-маньчжурских народов, например у негидальцев, ороков, солонов, уже невозможно зафиксировать масштабные эпические произведения. Большие опасения специалистов вызывает и сохранность эпического фольклора у эвенов и эвенков.

Первый образец эпического или эпосоподобного текста, а именно краткое изложение прозаического повествования с одним песенным монологом, был зафиксирован Я. И. Линденау в 1740-е гг. при сборе этнографического материала по охотским эвенкам. Однако материалы Я. И. Линденау не были опубликованы

и, как мы теперь знаем, не привлекали внимания исследователей до 1930-х гг. Позже на фольклорные материалы из сборов Я. И. Линденау обратила внимание Ж. К. Лебедева, первый из исследователей, кто решил сосредоточить свое внимание исключительно на проблемах изучения эвенского эпоса. Несколько позднее материалы Я. И. Линденау были опубликованы [Линденау, 1983], однако языковые, словарные и этнографические материалы из описаний привлекали куда больше внимания, чем фольклорные тексты. Так, не было замечено, что тексты шаманских камланий, записанные Я. И. Линденау и помещенные в описании тунгусов, живущих около Удского острога, на самом деле представляют собой не эвенкийские, а эвенские тексты, особенности языка точно указывают на это [Бурыкин, 1997].

Вторая половина XVIII в. и первые две трети XIX в. не принесли ничего нового в изучение эвенского фольклора и в том числе эпоса. Только во второй половине XIX в. Г. Майдель во время путешествия по Восточной Сибири записал несколько десятков образцов сказок, преданий и рассказов исторического содержания. Во время своего пребывания в Якутске Г. Майдель получил от Ю. Штубендорфа несколько образцов записей разных жанров эвенского фольклора, среди которых был один текст, представляющий собой эпическое сказание. Эти материалы были опубликованы акад. А. Шифнером в 1874 г., несколько позднее записей Г. Майделя, с переводом на немецкий язык [Schiefner, 1874]. Кем и когда были переведены записи неизвестного собирателя, не ясно, но, сравнивая этот перевод с эвенским подлинником, мы можем сказать, что он выполнен весьма квалифицированно.

В 90-е гг. XIX в. начинает записывать эвенский фольклор В. Г. Богораз, имевший к тому времени неплохой опыт записи чукотского фольклора и полевой лингвистической работы в целом. Собрание эвенских текстов в оригинале и с переводом было опубликовано в выпуске «Тунгусского сборника» [Богораз, 1931].

В начале 1930-х гг., когда в районах проживания эвенов начинают работать первые современные школы, эвенский фольклор привлекает к себе внимание и записывается сразу несколькими специалистами – В. И. Левиным, А. Р. Беспаленко, К. А. Новиковой в районах нынешней Магаданской области и Н. П. Ткачиком в Охотском районе Хабаровского края. Итог работы этих собирателей в том виде, в каком мы его знаем сейчас, – это несколько десятков записей сказок, исторических преданий с ценными параллельными вариантами, образцы загадок, тексты песен-импровизаций.

Безусловно, самое заметное достижение в собирании эвенского фольклора в эти годы – это три эпических сказания, записанных Н. П. Ткачиком в поселке Арка Охотского района Хабаровского края. Судьба этих текстов оказалась весьма драматичной. В 1938–1940 гг. собиратель Н. П. Ткачик, видимо, готовил эти тексты к публикации или к передаче в архив. Однако в судьбу собирателей и в научную деятельность по изучению эвенского фольклора вмешалась война 1941–1945 гг. После смерти Н. П. Ткачика (он скончался в Николаевске летом 1944 г. по пути в Арку) его вдова Э. В. Булатова передала фольклорные записи мужа известной исследовательнице тунгусских языков и фольклора Г. М. Василевич. Машинописная копия трех эвенских эпических текстов с рукописным предисловием Г. М. Василевич была передана в архив Якутского научного центра АН СССР. Судя по характеру подготовки текста (машинопись с предисловием), эти тексты предназначались Г. М. Василевич для издания, которое по каким-то причинам не было осуществлено.

Если полностью доверять хронологии и датам записи эвенских эпических текстов, то одно из главных событий в собирании образцов эвенского фольклора приходится на 1955 г. Именно в этом году В. Д. Лебедев (1933–1982), будущий поэт и тунгусовед-диалектолог, записал в Момском районе Якутии от сказителя П. С. Атласова несколько эпических текстов, три из которых были позднее опубликованы в его монографии «Язык эвенов Якутии» [Лебедев, 1978].

Во второй половине 1950-х – первой половине 1970-х гг. В. Д. Лебедев и К. А. Новикова были единственными, кто вел полевую работу по собиранию эвенского фольклора. Судя по работам Ж. К. Лебедевой, ею и В. Д. Лебедевым было записано около 40 эвенских эпических текстов. Собранные ими материалы не были опубликованы, за исключением переводов пяти текстов, помещенных как приложение к двум монографиям Ж. К. Лебедевой [1981; 1982].

В 1975 г. В. А. Роббек (1935–2010) записал в Среднеколымском районе Якутии от Е. И. Тайшиной эпический текст «Нёлтэк», названный по имени главной героини. Этот текст с русским переводом был опубликован в 1992 г. в виде брошюры и позднее переиздавался еще несколько раз [Тайшина, Роббек, 1992].

В 1980-е – 1990-е гг. несколько образцов эвенского эпоса были записаны А. Л. Мальчуковым [Metele..., 2020], В. А. Петровой (еще не введены в научный оборот) и известной собирательницей эвенского фольклора и писательницей Е. Н. Боковой [2002]. Эти записи представляют эпическую традицию томпонских эвенов.

В 1991 г. опубликован эвенский эпический текст «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэ-лэ», записанный от уроженца Оймьяконского района (улуса) Якутии Е. А. Данилова исследователем эвенского языка А. А. Даниловой [Данилов, 1991].

Таким образом, в настоящее время мы располагаем записями эвенских эпических текстов с разных территорий, имеем в своем распоряжении тексты разного объема с разными сюжетами, персонажами, языковой и этнографической фактурой, которые по месту записи, диалектной принадлежности можно подразделить на следующие локальные группы.

Охотская эпическая традиция включает в себя записи образцов эпоса охотских эвенов, сделанные Н. П. Ткачиком в 1937–1938 гг. Это три объемных текста «Чибдэвэл», «Делгэни» и «Гекчавал», исполнителем которых являлся 98-летний певец-сказитель Николай Георгиевич Мокроусов [Эпос охотских эвенов, 1986]. Четвертый текст, который был записан Н. П. Ткачиком, – «Хорэгэ» – известен ныне только по названию, его запись была неполной. Переводы этих текстов сделаны собирателем настолько совершенно, что при сверке их с оригиналами не потребовалось вносить в них какие-либо существенные изменения.

В настоящее время в с. Арка Охотского района Хабаровского края проживает *нимкалан* Алексей Сергеевич Чириков, от которого записаны несколько отрывков *нимканов*, по форме и содержанию соответствующих эвенским эпическим сказаниям и представляющих ту же традицию. Эти тексты не публиковались, но по месту записи, диалектной принадлежности и сюжетным мотивам их предвременно можно отнести к первой группе (ПМА).

Локальная специфика охотской эпической традиции – довольно большой объем сказаний, повествующих о героях-богатырях. Данные тексты достаточно однородны по характеру повествования, содержанию и поэтике. Тексты по праву считаются лучшими образцами эвенского эпоса.

Момская эпическая традиция включает в себя три текста, записанные в 1955 г. В. Д. Лебедевым (сказитель П. С. Атласов), и образцы, собранные в Момском районе в 1963 г. П. А. Ламутским.

Локальная специфика состоит в достаточно разнородном представлении образцов, тексты отличаются друг от друга и по содержанию, и по особенностям поэтики.

Записанный от 89-летнего сказителя Павла Семеновича Атласова текст «Нөлтэк» – это классический образец эпического произведения эвенов, стоящий в одном ряду с образцами, записанными Н. П. Ткачиком. Его особенностью является то, что в нем усилено мифологическое начало в описаниях структуры и объема мира. Он более этнографичен, чем тексты Н. П. Ткачика [Лебедев, 1978, с. 112–121].

Текст «Мэжун» характеризуется теми же особенностями. Тексты «Нөлтэк» и «Мэжун» уникальны по совершенству исполнения и высокому качеству записи, при этом текст «Мэжун» исключителен в ряду тунгусских эпических сказаний как сказание, героями которого являются только женщины [Там же, с. 123–125].

Текст «Өмын этикэн бичэ атиканылкан» («Жил старик со старухой»), включаемый нами в данную подборку по сложившейся традиции, формально может быть отнесен к любому из нарративных жанров эвенского фольклора – к эпическим сказаниям, сказкам или историческим преданиям. Его содержание равно похоже и на правду, и на вымысел, и в нем нет характерных для эпоса песенных вставок, его главные герои не похожи на эпических персонажей и более напоминают сказочных. Нет в нем и эпических атрибутов, каких-либо состязаний [Там же].

Запись этих текстов представляется уникальным событием в эвенской фольклористике, имея в виду, что сбор был произведен 22-летним студентом, каким был тогда Василий Дмитриевич Лебедев. Он сумел справиться с весьма трудной задачей по записи столь сложных эпических сказаний эвенов, зафиксировать аутентичное для эвенского эпоса исполнение этих сказаний, где повествование ведется в прозе, а диалоги героев – в песенной форме.

Однако мы не располагаем более поздними записями не только эвенского эпоса, но и других жанров эвенского фольклора, которые были сделаны В. Д. Лебедевым в 1960-е – 1970-е гг. Всё, что мы можем получить, – это переводы на русский язык нескольких сказаний, приложенные к книгам Ж. К. Лебедевой [1981; 1982], изданную на якутском языке книгу «Эвен фольклора» [1981], включающую переводы на якутский язык 12 эпических текстов, 10 песен, 14 сказок, преданий, легенд и малых жанров фольклора и три текста, приложенные к полевым отчетам В. Д. Лебедева об экспедиции 1961 г.¹ Эти тексты записаны с использованием латинской графики. Эвенские же варианты изданных на русском и якутском языках текстов до настоящего времени не обнаружены.

Недавно в ходе полевых обследований районов проживания эвенов РС(Я) по проекту «Создание аудиовизуального фонда “Живое наследие эвенов”» сотрудник ИГИИПМНС СО РАН С. Н. Саввинова встретила с Марией Тимофеевной Дыдаевой – эвенкой. Она родилась 5 января 1946 г. в с. Табалах Верхоянского района ЯАССР. Род – Мэмэль. От нее С. Н. Саввиновой записан следующий рассказ, который мы приводим в сокращении:

¹ Лебедев В. Д. Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Верхоянского района. Отчет и языковые материалы. 1961 г. // РО ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 56, 57.

Би абагаву Атласов Павел Семенович гэрбэн бэй бичэ. Ноун Мома, Томпо, Верхоянскэй районла эрэгэр нулгуникэн бэйди куналними бивэтчэ. Ноун атикаман эсэм хара, үи-дэ эсни хар. Эсни укчэнгэрэр. Ноунман хээк бичэн гөврэрэр, ол аата юкагир-гу, чукчэ-гу гөникэн бичэн урэчин. Ноун эрдэ көкэчэ. Ноун надан куналкан бичэ. Нар оранду гургэвчичэ. Би көчкэндү деучираку муттулэ өмнэкэн ученай Лебедев В. Д. өлэ дюмача ноун абагинюн палаткаду тэгэттитэн, тарав ноуар эрэгэр дукаттан абагав. Даммар икэв икэникэн нимкалам укчэнникэн. Тарав эрэгэв дёучирам. Мин дялбу Илин Тасла экспедицияла каюрач гургэвчичэл уһу. Тарбач Табалакла колхозла орандула гэрэвчиритэн. Оттон муту куналбу осколала Верхоянскэй төрэнэн Табалакла эмуритэн оран унтулкан, кунал бихит. Булат таңас ачча бисин. Некадич үи-дэ, эсни хар. Дялти хачал, харитан. Оскуолала иридюр некадич хупкутта буоллага. <.....>

Бу дялнимур эвэдич төрэткэрэру, ол иһин төрэнур эчилбун омнар. Тар бэйлнун адикун бэй эмэптэн. Букучин нян өмэккэн эмэптэм урэчин тек, хари бэйлдук. Верхоянскэй района боллагына дяпкан төрэри бэй бисни, эвэди хари. Тарал бэйл букэчин хагди бэйл. Эвэн-Бытантай адикун бэй эвэн төрэнэн дялта одда. Школала хупкуттэ даганы кунал эстэн аявра, хо ургэттэ эникэн аявра ургэттэ. Адикун төрэм хачал бичэл. Тар да бини эвэди төрэнти эдэн яр ачча одан дөбөптит, ай боллагына мулгуттум оттон. Школа багар ядин хупкуттин хупкутникэн ай бимчи боллагына. Тачин.

Перевод

Мой дед Атласов Павел Семенович, так его звали, всегда кочевал по Моме, Томпо и Верхоянскому району. Сам с детьми был, его жену я не знаю. Он не рассказывал про нее. Говорили, что она хээк, юкагир или чукча была, она рано умерла. У нашего деда было семеро детей, он всегда работал в оленеводстве. Как я его помню маленькой. Однажды к нам приехал эвенский ученый Лебедев Василий Дмитриевич, он с моим дедом сидел в палатке, он все время писал, а мой дед рассказывал сказки. Я все это помню.

Мои родные работали в Илин Таас в экспедиции каюрами, а потом в Табалахе оленеводами в колхозе. А нас, детей, привезли в Табалахскую школу в Верхоянском районе на оленях, в замшевой одежде, в оленьих унтах, одежды матерчатой у нас не было. По-якутски из нас никто не знал, а наши родные знали. А когда стали учиться в школе, научились якутскому языку. <...>

Мои родные говорили на эвенском языке, поэтому язык сохранился и не забылся. Сейчас я одна только владею эвенским языком. В Верхоянском районе 9 человек знают эвенский язык, эти люди совсем старые. В Эвено-Бытантае совсем мало, хотя в школе обучают, но детям тяжело, и им не нравится. Но, несмотря на это, чтобы эвенский язык совсем не исчез, надо, чтобы в школах учили [Отчет..., 2016, с. 24–25].

Данный рассказ чрезвычайно ценен и интересен во многих отношениях. В нем кратко освещена языковая ситуация среди эвенов Верхоянского района в тот период, когда эвенско-якутское двуязычие еще находилось в стадии становления, а дети эвенов начинали изучать якутский язык в школе. Но самое интересное то, что М. Т. Дыдаева в 9-летнем возрасте была непосредственным очевидцем исполнения образцов фольклора момских эвенов П. С. Атласовым и записи исполняе-

мых им текстов В. Д. Лебедевым. Известно, что В. Д. Лебедев посещал Верхоянский район с целью описания диалекта верхоянских эвенов в 1961 г. Однако отчет В. Д. Лебедева об этой экспедиции не содержит записей фольклорных текстов от П. С. Атласова. Следовательно, рассказ М. Т. Дыдаевой соотносится с событиями 1955 г., когда В. Д. Лебедев записал от ее деда П. С. Атласова уникальные образцы эвенских эпических сказаний. Поскольку М. Т. Дыдаева относит себя к роду деда, о котором она рассказывает – к Мэмэльскому роду, она является дочерью одного из сыновей П. С. Атласова – Тимофея. По нашим данным, ни мастерство, ни текстовый репертуар П. С. Атласова, отца большого семейства, не передались ни детям, ни внукам. Показательно и очень важно, что 70-летняя эвенка, внучка одаренного сказителя, ныне переживает за судьбу родного языка в том улусе, где язык и культура эвенов находятся на грани исчезновения.

Полевые записи В. Д. Лебедева стали началом изучения и издания эпоса эвенов Якутии, они остаются одними из лучших образцов эпического фольклора момских эвенов и эталоном для сравнительно-ареального изучения эпических сказаний эвенов других регионов Якутии. Их уникальность – в высоком качестве исполнительского мастерства и уровне фиксации фольклорного материала исследователем, прекрасно знающим и чувствующим фольклорную традицию. И весьма досадно, что львиная доля собранных В. Д. Лебедевым фольклорных материалов на языке оригинала сегодня недоступна для исследователей и представителей эвенского народа. Местонахождение и судьба материалов, собранных ученым, неизвестны.

К момской эпической традиции мы относим и фольклорные материалы, хранящиеся в фондах коллекции рукописного отдела ИГиПИМНС СО РАН, которые представляют собой рукописи оригинальных повествовательных нарративов, собранные во время диалектологической экспедиции в 1963 г. Платоном Афанасьевичем Ламутским (1920–1986), известным эвенским поэтом и прозаиком. Благодаря его стараниям фиксировать и оставлять для потомков образцы эвенского фольклора, мы имеем материал, собранный и записанный очень скрупулезно, документированный весьма аккуратно. Всего в ходе экспедиции было зафиксировано 32 образца фольклора разных жанров, исполненных на эвенском языке. В настоящее время данные образцы, записанные в Абыйском и Момском районах в 1963 г., представляют большой научный и практический интерес². Семь текстов из них, которые мы относим к архаическому эпосу, записаны в Момском районе, в с. Орто Дойду от 63-летнего сказителя Матвея Христофоровича Неустроева. Они исполнены в традиционной песенно-прозаической форме. Это *нимканы* «Экэйһэһэһэ он хөлүттин» («Как преследовалась сестрой»), «Хөрэк атикан хутэн» («Сын старухи Хөрэк»), «Өмчэһи» («Омчэһи»), «Мэһун» («Мэһун»), «Итмичан», «Чимчэвүльды», «Чимчэвүльчэн», которые еще не введены в научный оборот. Рассмотрим некоторые из этих *нимканов*.

В *нимкане* «Экэйһэһэһэ он хөлүттин» («Как преследовалась сестрой») повествуется о преследовании одной из сестер злым чудовищем-людоедом, в которого превращается старшая сестра. Подвергшейся преследованию героине помогает умершая мать, отправив ей с небес волшебные крылья, с помощью которых она улетает и обращается за помощью поочередно к богатырям Хонгкуни, Навнуни, Нгивэһи, Иркэһэмэл, Чирини и Мэһгдунни. Только Мэһгдунни смог ей помочь.

² Ламутский П. А. Материалы диалектологической экспедиции по говору эвенов Абыйского и Момского районов. 1963 г. // РО ИГиПИМНС СО РАН Ф. 5. Оп. 14. Ед. хр. 71, 72.

Они поженились, родили двоих сыновей. Однажды, когда отец пошел на охоту, семья опять подверглась нападению злобной старухи. Они спасаются на высоком лабазе о 8-ми ногах-стойках. Старуха сморкается, из носа появляется большой топор, которым она по очереди начинает рубить стойки лабаза. Женщина поет, зовет Мэнгдуни на помощь. Слышится голос в ответ. Затем прибегает отец семейства и начинает кидать камни в пасть чудовища, говоря, что кидает ей детей на съедение. Чудовище рубит четвертую стойку и лабаз падает. Наконец Мэнгдуни одолевает чудовище и сжигает в костре. Семья спасается.

Нимкан «Хэрэк атикан хутэн» («Сын старухи Хорэк») повествует о старухе Хорэк и ее сыне, который был хорошим охотником. Однажды он видит, что мать подшивает его унты шкурами из голов 8-ми оленей. Спрашивает, зачем ему такие толстые и тяжелые подошвы, на что мать отвечает, что стала плохо видеть и зараз подшила толстые подошвы. Наутро сын, надев унты, пошел на охоту. Когда забрался на гору, послышался голос, который просит освободить стреноженные лапы. Видит, медведь в ошейнике пасется. Схватил, пытается стреноженного медведя освободить, да не может. Медведь поет, что сын старухи Хорэк очень умелым слывет, что надо им обогнуть землю 9 раз. И побежали рядом. Когда индеец догадывается, что наступила зима, когда потеет, – что пришло лето. За год землю один раз огибают. Во время бега видит много останков людей, которых убил этот медведь. Девять лет старался медведь, а человек даже не устал, ему становится всё лучше. Обогнули землю за девять лет девять раз, и медведь вдруг сгорбился и превратился в седого старца. Признается, что сын старухи Хорэк действительно богатырь, говорит, что нашел того, кто сильнее него самого. Идут вместе, доходят до дома старика. Там оказывается красавица – дочка старика, и герой становится его зятем. Так и живут, сын всегда вспоминает мать, думает, что, наверно, умерла без него. Однажды старик предупреждает зятя, чтобы он был осторожным, приготовил бы самострел, что вслед идет его мать Хорэк, став чудовищем. Заметелило, три дня и три ночи дуло, из вихря появляется огромное чудовище, которое невозможно прострелить. Богатырь приблизился, выстрелил, но стрела будто скользит по мерзлomu дереву, поэтому он стал стрелять деревьями. Несколько раз прострелил чудовище насквозь, оно осело и растаяло. И тогда изнутри вышла старая настоящая мать. Увидев сына, прослезилась, взявшись за руки, с сыном и невесткой пошли в дом. С тех пор старик стал с зятем, старуха с невесткой, невестка со свекровью, зять с тестем, старик со старухой сватьями.

В сюжетной структуре и поэтике данных образцов реально прослеживаются как жанрообразующие признаки эпоса, так и характерные черты его архаического варианта. Можно отметить следующие свойства жанра, обнаруживаемые в сказаниях: правдоподобность содержания, которая ставит эпос между мифом (заведомая истина) и сказкой (заведомый вымысел); изложение событий, относящихся к категории не виденного, но возможного; отсутствие указаний на этническую принадлежность и генеалогию героев; оригинальный способ включения в текст новых персонажей, при котором визуальное появление нового героя предваряется слышимым монологом; минимализм или полное отсутствие поэтических средств [Шарина, Бурькин, 2014].

Колымская эпическая традиция представлена текстом «Нэлтэк» («Нёлтэк»), зафиксированным В. А. Роббеком в 1975 г. от 83-летней сказительницы Евдокии Иннокентьевны Тайшиной; сюда же мы относим записанные нами в 2005 г. от жительницы с. Берёзовка Среднеколымского района Якутии Анны Ивановны Ха-

баровской *нимканы* «Чукачан Ниврини» («Птичка Ниврини»), «Нюнуе, Илик» («Нюнуе и Илик»), «Оинде, Мэтэчэ» («Оинде и Мэтэчэ») (ПМА).

«Нёлтэк» не отличается от эпических текстов по поэтике, но в сюжетном отношении характеризуется значительным своеобразием. Этот текст начинается с состязания за невесту, устроенного отцом героини, – с чисто сказочного мотива. Необычен и антецедент героини из мира злобных духов – черт-*ариука* (традиционный перевод и понимание), сказочный многоактный характер имеет развитие сюжета во второй части повествования. Появление оленей в финале текста имеет скорее сказочное, чем мифологическое решение, хотя образ оленя и наделен чертами мифологического творца себе подобных, а практика обращения с останками животных напоминает этнографические институты тунгусских народов. Мы склонны думать, что данные черты текста представляют собой позднейшие модификации эпических текстов.

К оймьяконско-томпонской эпической традиции мы относим текст «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» («Иркэнмэл, Оинде и Мэтэлэ»), записанный А. А. Даниловой от жителя Оймьяконского района Якутии Егора Андреевича Данилова [Данилов, 1991], и образцы сказаний жительницы с. Тополиное Томпонского района Якутии Дарьи Михайловны Осениной, записанные А. Лаврилье и Д. Матичем (тексты «Илан бэй» («Три человека»), «Туннун асаткар» («Пять девушек»), «Надан кидак» («Семь стерхов»)) [Осенина, 2013]. В 2005 г. нам удалось зафиксировать от *нимкалана* Д. М. Осениной эпические сказания «Илан асаткан дюгулин» («О трёх девушках»), «Өмчэк» («Омчэк»), «Дёр нөүэнурэл хуркэл» («Два парня-брата»), «Илан бэй дюгулин» («О трех людях»), «Өмэн асаткан нян ноңан нөүилни» («Одна девушка и её младшие братья»), «Мэтэлэ», которые также можно включить в данную группу (ПМА).

Эти тексты содержат и сказочные мотивы, и мифологические вставки, имеющие некоторую сюжетную самостоятельность. В текст Е. А. Данилова вставлен мотив девушек-птиц, одна из которых теряет оперение или его часть и потому вынуждена остаться с героем, этого добивавшимся, или его помощником. В эти тексты включены мотивы оживления погибшего героя, усилены социальные мотивы и акцентирована социальная структура общества и положение героев в нём. При этом один из героев повествования временно смещается в низшие ряды – исполняет обязанности работника. Вместе с тем фигуры социального верха – старейшины, едва намеченные в текстах Н. П. Ткачика, по существу пассивны, даже у Д. М. Осениной.

Интересной особенностью повествований Д. М. Осениной являются детали атрибутов эпических героев и событий; более подробно, чем где-либо, описывается вооружение героев и тонко характеризуется особая звуковая картина, которая создается в изображении битвы, например: *Тачикан төр дирэлэн, гидчакан йгэтэн кангаллан, намчинтан йсни, өткэчэкэн кингэмэнни йлрэн*. 'Так земля загудела, стук копий послышался, звон пальмы-откэ послышался' (ПМА). Эти тексты имеют исключительную ценность для характеристики эпической традиции, ближайшей к нам по времени, и понимания процессов, происходящих внутри жанра. Тексты этой группы в разной степени насыщены якутской лексикой, особенно текст Е. А. Данилова.

Северная эпическая традиция включает образец «Умчэгин», записанный Х. И. Дуткиным от 51-летнего Иннокентия Васильевича Едукина в 1977 г. в Аллаиховском районе Якутии [Дуткин, 1980]. В *нимкане* с песенными вставками-

диалогами воспроизводится известный у эвенов сказочный мотив с прилетом де-вушек-птиц к двум братьям, у одной из которых герой прячет крыло, а героиня дает ему мяч взамен спрятанного крыла. «Умчэгин», рассказанный И. В. Едукиным, – лучший эвенский вариант из известных *нимканов* о девах-птицах.

В 2005 г. нами от аллаиховского эвена Максима Ильича Дуткина, 1968 г. р., был записан вариант *нимкана* «Умчэгин» (ПМА).

Приведенный свод локальных вариантов эвенских сказаний по сюжетной структуре и поэтике отличается от других нарративных жанров (сказки и предания) и имеет признаки архаического эпоса, к которым мы относим определенные характеристики.

Рассмотрим их.

1. Между эпосом и сказкой эвенов усматриваются существенные различия в форме повествования – в характере, в структуре и в объеме текстов. Эпос или пелся полностью, или в песенной форме в нем исполнялись диалоги. Сказки и предания, как правило, не содержат песенных вставок. Рассмотренный нами свод *нимканов* исполняется в песенно-повествовательной форме и отличается более крупным объемом в отличие от текстов, относящихся к другим жанрам.

2. Один из признаков эвенского эпоса, отличающих его от других нарративных жанров, как мы уже отмечали, – правдоподобность содержания. Содержательная доминанта эвенского эпоса – то, что вполне возможно в реальной жизни, но не наблюдается или редко встречается. К примеру, в эпическом тексте «Өмын этикэн бичэ атиканылкан» («Жил старик со старухой») [Лебедев, 1978, с. 137–139] повествуется о семье старика и старухи, у которых сын и дочь. К ним приходит парень, который сообщает о намерениях пославших его хозяев убить их и помогает семье устроить врагам ловушку-*кулёмку*. Пришедшие убийцы попадают в ловушку и погибают. Старик пригоняет часть их оленей, парень становится его зятем. Содержание сказания правдоподобно (эвены жили отдельными семьями, возможен и умысел врагов-убийц), но не является обыденным.

3. К изложению событий, относящихся к категории не виденного, но возможного, можно отнести воинские сцены (почти во всех *нимканах*), иногда приводимое в текстах описание жестокости по отношению к врагу (например, расправа Чибдэвэла над семьей шамана в сказании «Чибдэвэл», постепенное иссечение героем Хэлникэном конечностей Хилэлэнэ с последующим оставлением только его головы в «Мэтэлэ» и др.).

4. К признакам, определяющим наиболее раннюю стадию эпоса, можно отнести и отсутствие указаний на этническую принадлежность и генеалогию героев. Эвенское эпическое общество этнически неопределенно, не раскрывается, с кем устраиваются состязания – со своими или с чужими. Мотив глоттогенеза и этногенеза встречается лишь однажды, но это нововведение сказителя (сказание Е. А. Данилова). В более поздних записях северной эпической традиции 2015 г. отмечается этногонический мотив типа «Умчэгин был нашим предком, корнем» (ПМА).

Общество в эпических текстах представлено максимумом из пятидесяти юрт (охотская традиция). В основной массе текстов в социуме иерархия отсутствует. Только в *нимканах* Д. М. Осениной присутствуют слуги и работники. Глава коллектива обычно *хони бэй* без характеристики, есть одно упоминание о военных вождях.

5. Главное различие между эпосом и сказкой у эвенов мы усматриваем в появлении героев в тексте и характере доведения информации до слушателя. В сказке

сначала появляется герой, потом уже он что-то говорит. В эпосе сначала слышатся слова героя, потом появляется он сам. Например, в сказании «Гекчавал»:

*Тиминни одан инэжнэкээн дулакэндун бэй төрэнни иллэн:
Дирэлэнь, Гекчавалкан,
Дирэлэнь, буглас
Дирэлэнь, эмнимдэс урэчу
Дирэлэнь, гэлэ нёдли-лэ,
Дирэлэнь, мадьнадила нян-да!*

‘И вот назавтра в самый полдень послышался человеческий голос:
Дирэлэнь, Гекчавал,
Дирэлэнь, на твою землю
Дирэлэнь, вроде бы я пришел, похоже,
Дирэлэнь, ну, выходи же,
Дирэлэнь, чтобы добить меня теперь же!’

Такая экспозиция незнакомого персонажа, которая предваряется его слышимым монологом и только потом визуальным появлением героя, выдерживается во всех эвенских локальных эпических традициях.

Факты биографии героев, их родственные связи в эпосе мы узнаём позже, спустя много времени после появления героя в сказании.

6. Характерная особенность эвенского эпоса – наличие заповных слов, которые начинают, иногда заканчивают строку – стих монолога персонажа, часто еще не видимого для героя (при вводе в сюжет нового персонажа). В соответствии с жанрово-поэтическими особенностями заповные слова являются голосовой визитной карточкой героя, предваряющей его визуальное появление. Каждый персонаж имеет свое личное заповное слово. Часть заповных слов эвенского эпоса созвучна личным именам героев. Например, у героя *Хулинну* заповным словом является непереводимая лексема *хулирой*, у богатыря *Надини* – *надирой*, у *Нулгани* – *нулганди*, у злобного духа Нижнего мира *Дэбэрэ* – *дэвэлэнь*, у орла *Угсэни* – *угсэндэре* и т. д. Вероятно, непереводимая лексема образуется в силу поэтического строения повествования, основанного на звуковом параллелизме.

Заповные слова, по нашему мнению, это, во-первых, средство представления нового героя слушателю, ибо его голос и речь предшествуют появлению самого героя. Во-вторых, это для исполнителя мнемотехнический прием индивидуализации героев, ибо другие средства для этого в эвенском эпосе отсутствуют.

7. Личные имена эвенского эпоса – интереснейший и еще не осмысленный феномен. В эвенском эпосе много безымянных героев. Личное имя – бесспорное средство индивидуализации героев. Однако прагматика использования личного имени у тунгусов оставляет для его применения единственную область – сообщения или нарратива. Этикетная норма обращения по имени в тунгусской культуре отсутствует. Нет ее и в эпосе. Мы узнаём имена главных героев текстов далеко не сразу.

Важная специфическая черта употребления личных имен в эвенском и, видимо, в целом в тунгусском эпосе – это персональная диверсифицированность носителей одного и того же имени: они нетождественны, это разные герои и в подобных случаях невозможно сводить тексты и рассматривать их как варианты единого цельного повествования. *Нёлтэк* из текстов В. Д. Лебедева и *Нёлтэк* из текста В. А. Роббека – разные героини с разными целями. *Мэтэлэ* у Е. А. Данилова и *Мэтэлэ* у Д. М. Осениной – разные персонажи.

8. Художественный минимализм или отсутствие поэтических средств является одной из основных черт эвенского эпоса. В текстах почти нет описаний быта, в эпосе охотских эвенов ни богатырь, ни его олень никак не выделяются. У некоторых героев, например у *Нёлтэк*, белые и выносливые олени, один раз встречается интересный персонаж – конь, нет ни одной собаки.

В *нимканах* обычно никак не характеризуется вооружение богатыря, даются лишь специфические лексемы, называющие лук, стрелы и меч, доспехи называются *дэдан* – вещи без описания, столь важного для эпоса. Не описывается и богатырская одежда, как и одежда героев в целом (исключение находим только у Д. М. Осениной). Эти мотивы занимают очень невыразительное место в эвенском эпосе. Из приемов ведения борьбы в эпосе акцентированы два – ловля стрел и уклонение от них. Это обязательные умения эпического героя, они встречаются и у противников эпических героев. Больше внимания уделяется телесным поражениям и ранам героев, стрелы попадают в ногу, бедро, в пояс, демоническим существам – в шею. Герои практикуют снесение головы врагу, особенно демоническому (охотская, момская, оймьяконско-томпонская традиции).

Демонические существа в эпосе (чёрт в «Нёлтэк», существа в «Иркэнмэле», чёрт старого стойбища в «Мэтэлэ», людоеды-*хэвийэ* в *нимкане* «Одна девушка и её братья», а также превратившиеся в чудовищ родственники женского пола в момской, оймьяконско-томпонской традициях) обычно побеждаются. В большинстве случаев эпический герой встречается таких героев случайно – находит на старом стойбище или сам заходит в железный дом и поначалу не признает их.

Превращения героев занимают в эпосе довольно заметное место. Но чаще всего это превращения в хищных птиц, редко – в мышь. Погибшие герои могут воскреснуть, для этого есть определенные, причем уникальные, магические средства (нельзя применять избыток сил, это может вызвать воскрешение нежелательного героя). Погибшего героя можно воскресить, повторив акт его убийства (например, *Хэлникэн*, сын *Иркэнмэлэ*, оживляет отца выстрелом в лоб, расколов его голову на части) [Данилов, 1991].

В описаниях присутствует шаманская практика, в том числе и у врагов, вследствие чего у героя появляется задача обезвредить шамана в процессе подготовки бубна (охотская традиция). Хорошо прописано состязание шаманов с превращением, дополненное мотивом поединка шаманов в виде рыб – налимов [Лебедев, 1978, с. 119].

Хронотоп эвенского эпоса в общем характеризуется крайней неопределенностью: время года определяется по снегу, по льду на бровях богатыря и по испарине у героя.

Структура мира в эпосе прописывается не везде и не всегда. Основная сфера действия в эпосе – Средний мир, иногда со сменой локуса: за морем или на пупе моря. Лишь однажды герой попадает в Верхний мир при полетах и однажды преваливается в *хулюмкур* – мир ниже Нижнего. Видимо, данный мир введен в эпическое повествование с целью избежать известного по сказкам описания *буни* – мира умерших. Иногда герои уходят под землю через очаг.

К основным эвенским эпическим мотивам относится уход героя (искать пропавшую жену, на охоту и проч.), встреча (центрального персонажа с другими действующими лицами), поединки (причем и с положительными, и с отрицательными персонажами). В эпическом произведении представлен минимум персонажей, их число и в массовых сценах редко превышает 5–8 действующих лиц. Героям эвенского эпоса чуждо этническое самосознание и действие во имя этноса, пат-

риотических идей эвенский эпос не выражает. Вражда не носит этнического характера, в основном целью поединков является силовая спортивная победа, причем нельзя даже нападать без извещения, это считается позором. Добыча имеет второстепенный характер, даже поражение с необходимостью отдать часть имущества воспринимается спокойно. В борьбе героя с демоническими противниками большое значение имеют не физическая сила и боевые навыки персонажа, а его находчивость, ум и волшебные качества.

Эпические сказания эвенов привлекают внимание исследователей и в контексте этнокультурных и фольклорных взаимосвязей. Рассмотрим внешние связи эвенского эпоса с ближайшими соседями, с которыми усматриваются заметные параллели в фольклоре. Первое, что нужно отметить, – в эвенских эпических текстах, в отличие от сказок, нет следов влияния фольклора восточных и северо-восточных соседей эвенов – юкагиров, чукчей или коряков, в то время как в сказочных сюжетах и мотивах они хорошо заметны. Неярко выражены и якутско-эвенские связи. Из персонажей, сближающих якутский фольклор и эвенский эпос, мы отмечаем лишь птицу *Угсэни-Эвсэки* (якутский *оксөкү*). Других сходных персонажей в эвенском эпосе не отмечается. Нет в эвенских эпических текстах и каких-либо специфических якутских реалий.

Якутская лексика, встречающаяся в эпических текстах эвенов, немногочисленна и относится к группе заимствований, связанных с коммуникативной практикой. Якутизмов нет в тексте, записанном В. А. Роббеком, почти нет в записях В. Д. Лебедева, нет в одном из текстов, зафиксированных Н. П. Ткачиком («Чибдэвэл»), мало в двух других его текстах. Больше их в тексте, записанном от Е. А. Данилова. Мало якутизмов, нет вставленных якутских фраз в *нимканах* Д. М. Осениной.

Итак, анализ фольклорных материалов, отнесенных к определенным локальным группам, по приведенным критериям, связанным с сюжетной структурой, поэтикой, отношением к другим жанрам, характером повествования, дает основания отнести исследуемые тексты к архаическому эпосу.

Список сокращений

ПМА – полевые материалы автора, собранные в местах компактного проживания эвенов в Якутии, Хабаровском крае, Магаданской области с 2004 по 2019 г.

Список литературы

- Богораз В. Г.* Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Л., 1931. Вып. 1. С. 1–108.
- Бокова Е. Н.* Эвенский фольклор. Якутск: Бичик, 2002. 215 с.
- Бурыкин А. А.* Тунгусские шаманские заклинания XVIII века в записях Я. И. Линденау // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН, 1997. Вып. 5. С. 123–146.
- Данилов Е. А.* Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. Якутск: Розовая чайка, 1991. 48 с.
- Дуткин Х. И.* Умчэгин (эвенская сказка) // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 103–117.
- Лебедев В. Д.* Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 205 с.
- Лебедева Ж. К.* Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 157 с.
- Лебедева Ж. К.* Эпические памятники народов Крайнего Севера. Новосибирск: Наука, 1982. 113 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с. (Дальневосточная историческая библиотека)

Осенина Д. М. Эвен нимкарни. Эвенские нимканы Дарьи Михайловны Осениной / Сост.: Александра Лаврилье, Дэян Матич. Printed in Germany, Kulturstiftung Sibirien, 2013. 160 с. (Языки и культуры народов Дальнего Востока России)

Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Создание аудиовизуального фонда “Живое наследие эвенов”. Этап I». Якутск, 2016. 115 с.

Тайшина Е. И., Роббек В. А. Нёлтэк. – Нёлтэк. (На русском и эвенском языках). Якутск: Розовая чайка, 1992. 64 с.

Шарина С. И., Бурькин А. А. Эпос восточных эвенков и эпос охотских эвенов: к проблеме общих типологических свойств ранних форм эпоса // Сибирский сборник – 4. Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. СПб., 2014. С. 68–79.

Эвен фольклора / Сост. Ж. К. Лебедева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1981. 222 с.

Эпос охотских эвенов. В записях Н. П. Ткачика. Якутск, 1986. 304 с.

Metele an Even epic tale by Darja Mixajlovna Osenina / Ed. by Andrej L. Malchukov. Seoul: Seoul National University Press, 2020. 314 p.

Schiefner A. Tungusische Miscellen. Von A. Schiefner // Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersburg 20. 1874. № 2. P. 247–257. (Melanges asiatiques 7. 1873/76. S. 378–394)

References

Bogoraz V. G. Materialy po lamutskomu yazyku [Lamut language materials]. In: *Tungusskiy sbornik* [Tungus collection]. Leningrad, 1931, iss. 1, pp. 1–108.

Bokova Ye. N. *Evenskiy fol'klor*. [Even folklore]. Yakutsk, Bichik, 2002, 215 p.

Burykin A. A. Tungusskie shamanskije zaklinaniya 18 veka v zapisyakh Ya. I. Lindenau [Tungus shamanistic spells of the 18th century in the records of Ya. I. Lindenau]. In: *Sistemnye issledovaniya vzaimosvyazi drevnikh kul'tur Sibiri i Severnoy Ameriki* [Systemic studies of the relationship between ancient cultures of Siberia and North America]. St. Petersburg, MAE RAS, 1997, iss. 5, pp. 123–146.

Danilov Ye. A. *Irkenmel, Oyinde, Metele* [Irkenmel, Oyinde, Metele]. Yakutsk, Rozovaya чайка, 1991, 48 p.

Dutkin Kh. I. Umchegin (evenskaya skazka) [Umchegin (Even fairy tale)]. In: *Voprosy yazyka i fol'klora narodnostey Severa* [Questions of language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk, 1980, pp. 103–117.

Even fol'klora [Even folklore]. Lebedeva Zh. K. (Comp.). Yakutsk, Yakutsk Book Publishing House, 1981, 222 p.

Epos okhotskikh evenov. V zapisyakh N. P. Tkachika [The epos of the Okhotsk Evens. In the records of N. P. Tkachik]. Yakutsk, 1986, 304 p.

Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [The Even language of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 205 p.

Lebedeva Zh. K. *Arkhaicheskiy epos evenov* [Archaic epic of the Evens]. Novosibirsk, Nauka, 1981, 157 p.

Lebedeva Zh. K. *Epicheskie pamyatniki narodov Kraynego Severa* [Epic monuments of the peoples of the Far North]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 113 p.

Lindenau Ya. I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina 18 veka)* [Description of the peoples of Siberia (the first half of the 18th century)]. Magadan, Magadan Book

Publishing House, 1983, 176 p. (Dal'nevostochnaya istoricheskaya biblioteka [The Far Eastern Historical Library]).

Metele an Even epic tale by Darja Mixajlovna Osenina. Andrej L. Malchukov (Ed.). Seoul, Seoul National Univ. Press, 2020, 314 p.

Osenina D. M. *Even nimkarni. Evenskiye nimkany Dar'i Mikhaylovny Oseninoy* [Even nimkans by Daria Mikhailovna Osenina]. Aleksandra Lavril'e, Deyan Matich (Comps). Printed in Germany, Kulturstiftung Sibirien, 2013, 160 p. (Yazyki i kul'tury narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Languages and Cultures of the Peoples of the Russian Far East]).

Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme "Sozdaniye audiovizual'nogo fonda "Zhivoye naslediyev evenov". Etap 1" [Report on research work on the topic "Creation of the audiovisual fund" Living heritage of the Evens". Stage 1]. Yakutsk, 2016, 115 p.

Sharina S. I., Burykin A. A. Epos vostochnykh evenkov i epos okhotskikh evenov: k probleme obshchikh tipologicheskikh svoystv rannikh form eposa [The epos of the eastern Evenks and the epos of the Okhotsk Evens: on the problem of the general typological properties of the early forms of the epos]. In: *Sibirskiy sbornik – 4. Grani sotsial'nogo: antropologicheskie perspektivy issledovaniya sotsial'nykh otnoшений i kul'tury* [Siberian collection – 4. Facets of the social: anthropological perspectives in the study of social relations and culture]. St. Petersburg, 2014, pp. 68–79.

Schiefner A. Tungusische Miscellen. Von A. Schiefner. *Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg* 20. 1874: 2, pp. 247–257. (Melanges asiatiques 7. 1873/76, pp. 378–394)

Tayshina Ye. I., Robbek V. A. *Nëltek. – Nëltek* (Na russkom i evenskom yazykakh) [Noltek (In Russian and Even languages)]. Yakutsk, Rozovaya chayka, 1992, 64 p.

Информация об авторе

Сардана Ивановна Шарина, кандидат филологических наук

Information about the author

Sardana I. Sharina, Candidate of Sciences (Philology)